

Торнтон Уайлдер

Мост короля
Людовика
Святого

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
У 13

Thornton Niven Wilder
THE CABALA. THE BRIDGE OF SAN LUIS REY

Перевод с английского Сергея Ильина, Виктора Гольшева

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-26752-7

© С. Б. Ильин (наследники), перевод, 2024
© В. П. Гольшев, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Каббала

Часть первая

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Поезд, которым я впервые в жизни приехал в Рим, был переполнен, промозгл и к тому же запаздывал. Несколько раз он неведомо почему застревал в открытом поле, так что к полуночи мы еще тащились, пересекая Кампанию и медленно приближаясь к висевшим над Римом слегка подцвеченным облакам. Порой поезд останавливался у платформы, и неровный свет фонарей озарял на мгновение какую-нибудь величавую, словно самой природой обтесанную голову какого-нибудь прохожего. Тьма окружала эти платформы, и лишь временами проступали в ней кусок дороги или смутные очертания горной гряды. То была земля Вергилия, и казалось, что ветер, поднимаясь с полей, опадает на нас с долгим вергилиевским вздохом, ибо места, вдохновившие чувства поэта, неизменно впитывают чувства, ими рожденные.

Переполненным же поезд был потому, что днем раньше кто-то из туристов унюхал исходящий от неаполитанских нищих запах карболки. Туристы немедленно заключили, что власти, по-видимому, обнаружили один или два случая заболевания

индийской холерой и, напуганные ими, принялись дезинфицировать городское дно, подвергая его обитателей насильственному купанию. Сам воздух Неаполя рождает легенды. Грянувший внезапно исход мгновенно привел к тому, что купить билеты на Рим стало практически невозможно, и потому туристы, привыкшие к первому классу, ехали третьим, между тем как в первом обнаружили люди весьма необычные.

В вагоне было холодно. Мы сидели, не сняв пальто, с глазами, остекленевшими у кого от смирения, у кого от досады. В одно из купе набились представители расы, путешествующей более прочих, но гораздо менее получающей радости от путешествий, здесь велись бесконечные разговоры о дурных гостиницах, о дамах, которым приходится, садясь, туго оборачивать юбки вокруг лодыжек, дабы воспрепятствовать восхождению блох. Напротив сидела, развалиясь, тройца итальянцев, возвращавшихся из Америки домой, в какую-то апеннинскую деревушку, после двадцати лет, отданных торговле фруктами и драгоценностями в верхней части Бродвея. Все свои сбережения они вложили в украшавшие их пальцы яркие бриллианты — столь же ярко сияли их глаза в предвкушении встречи с семьей. Легко было вообразить, с каким недоумением станут взирать на них родители, неспособные постичь перемен, лишивших детей обаяния, коим земля Италии награждает и самых скромных своих сыновей, и замечающие

только, что дети вернулись раздобревшими, говорящими на каком-то варварском наречии и навсегда утратившими присущую их народу хитроумную психологическую интуицию. Возвращавшихся ожидало несколько бессонных ночей, которые им предстояло провести в душевной смуте под соломенной крышей родного дома, среди бормочущих во сне кур.

Еще в одном купе сидела, прислонясь щекой к подрагивающему стеклу, укутанная в серебристые соболя искательница приключений. Напротив обосновалась матрона, с вызовом вперившаяся в нее неотрывными сверкающими глазами, готовая в любой миг перехватить и пресечь взгляд, который девушке вздумается бросить на ее, матроны, дремлющего мужа. По коридору в надежде на этот же взгляд с самодовольным видом то прохаживались туда-сюда, то застывали, прислоняясь к стене, два армейских офицера, напоминая восхитительно описанных Фабром насекомых, впуская исполняющих ритуал ухаживания перед камушком просто потому, что пришли в движение некие ассоциативные механизмы.

Были здесь и иезуит с учениками, коротавшие время за латинской беседой; и японский дипломат, погрузившийся в благоговейные размышления над коллекцией марок; и русский скульптор, мрачно вникавший в устройство наших черепов; и несколько студентов из Оксфорда, старательно приодевшихся для пешей прогулки, но почему-то

пересекавших поездом местность, лучше которой пешеходу в Италии не найти; и всегдашняя старушка с курицей; и всегдашний молодой американец, с любопытством озирающийся по сторонам. Такого рода компании Рим принимает в себя по десяти раз на дню — и все равно остается Римом.

Мой спутник сидел, читая потрепанный номер лондонской «Таймс» — сообщения о продаже недвижимости, о новых назначениях в армии и обо всем на свете. После шести лет, проведенных в Гарварде за изучением античного мира, Джеймс Блэр отправился на Сицилию в качестве археологического консультанта съемочной группы, вознамерившейся перенести на экран основные мотивы греческой мифологии. Затея эта провалилась, съемочная группа распалась, а Блэр потом долго еще бродил по берегам Средиземного моря, прибавляясь случайными заработками и заполняя объемистые блокноты наблюдениями и теориями. Его распирали идеи — относительно химического состава красок, которыми писал Рафаэль; касательно освещения, необходимого, по представлениям античных ваятелей, для созерцания их скульптур; по поводу датировки наиболее неприметных мозаик церкви Санта-Мария-Маджоре¹. Он разрешил мне записать и эти, и многие иные из своих гипотез и даже скопировать цветными

---

¹ *Санта-Мария-Маджоре* — церковь XIII в. в Риме, в которой работал итальянский композитор Джованни Пьерлуиджи Палестрина (1514–1594).

чернилами некоторые чертежи. В случае если он вместе с блокнотами сгинет в океанских волнах — что представлялось вполне вероятным, ибо Блэр из бережливости отправлялся через Атлантику на каком-то невразумительном судне из тех, о которых, даже когда они тонут, не пишут в газетах, — печальный мой долг состоял в том, чтобы преподнести эти материалы в дар Хранителю библиотеки Гарвардского университета, где они при всей их неудобочитаемости могут быть сочтены бесценными.

В конце концов отложив газету, Блэр разговорился со мной:

— Хоть вы и едете в Рим учиться, но, может быть, прежде чем засесть за древних римлян, стоит полюбопытствовать, не найдется ли и среди современников интересных людей.

— За современников мне докторской степени не дадут. Пусть ими занимаются наши потомки. А вы кого из них имеете в виду?

— Вам приходилось когда-нибудь слышать о так называемой Каббале?

— О которой?

— О своего рода сообществе людей, живущих в окрестностях Рима.

— Нет.

— Это очень богатые и влиятельные люди. Их все боятся. И все подозревают в заговоре, имеющем целью ниспровергнуть существующие порядки.

— Политические?

— Нет, не совсем. Разве что отчасти.

— Люди из высшего света?

— Да, конечно. Но дело не только в этом. Они к тому же жуткие интеллектуальные снобы. Мадам Агоропулос боится их до того, что я вам описать не могу. Уверяет, будто они время от времени приезжают из Тиволи и затевают интриги, пытаясь протащить через сенат какой-то законопроект, или добиться определенного назначения в церкви, или просто вытурить из Рима какую-нибудь несчастную женщину.

— Те-те-те!

— И все потому, что им скучно. Мадам Агоропулос говорит, что их томит смертельная скука. У них есть все, и есть уже очень давно. Главное же в них — ненависть ко всему современному. Они коротают время, обмениваясь колкостями по адресу новых титулов, новых состояний и новых идей. Во многих отношениях это люди Средневековья, что сказывается даже в их облике. И в их образе мыслей. Я это так себе представляю: вы, наверное, слышали о том, что ученые обнаружили в Австралии области, где животные и растения перестали эволюционировать много веков назад? Что-то вроде ниши допотопных времен посреди мира, ушедшего далеко вперед. Ну вот, должно быть, нечто похожее случилось и с Каббалой. Это компания людей, преследуемых призраками представлений, из которых весь остальной мир уже

несколько столетий как вырос: что-нибудь о преимущественном праве одной герцогини проходить в дверь впереди другой, о порядке слов в одном из догматов церкви, о божественном праве государей, в особенности Бурбонов. Они серьезно и страстно относятся к вещам, которые всем прочим кажутся непонятными и устаревшими. Но что самое важное, эти люди, ни за что не желающие расстаться с подобными представлениями, вовсе не отшельники или чудачки, на которых можно не обращать внимания, — напротив, они составляют тесный круг, столь могущественный и недоступный, что жители Рима если и говорят о них, то вполголоса, и называют при этом Каббалой. Они, позвольте вас уверить, действуют с невиданной изощренностью и располагают несметными богатствами и множеством верных сторонников. Цитирую мадам Агоропулос, которая питает по отношению к ним что-то вроде истерической боязни и считает их сверхъестественными существами.

— Но она, надо думать, лично знакома с кем-то из них?

— Конечно знакома. Как, впрочем, и я.

— Людей знакомых обычно не очень боятся.

И кто же в это сообщество входит?

— Я вас завтра возьму с собой, познакомлю с одной из них, с мисс Грие. Она стоит во главе всей этой многонациональной компании. Мне довелось составлять каталог ее библиотеки — про-

сто не было другой возможности с ней познакомиться. Я жил у нее во дворце Барберини¹ и понемногу приглядывался к Каббале. Помимо нее, туда входит кардинал. И княгиня д'Эсполи, у которой не все дома. Затем еще мадам Бернштейн из семьи немецких банкиров. Каждый из этих людей обладает неким замечательным даром, а все вместе они стоят неизмеримо выше ближайшего к ним слоя общества. Они такие удивительные, что пребывают в одиночестве, это тоже цитата. Поэтому они засели в Тиволи и утешаются как могут совершенствами друг друга.

— А сами они называют себя Каббалой? Есть у них какая-либо организация?

— Насколько я понимаю, нет. Вероятно, им даже в голову никогда не приходило, что они составляют сообщество. Я же вам говорю, займитесь их изучением. Вынюхайте все их секреты. Я-то для этого не очень гожусь.

Последовала пауза, и в наше сознание, до сей поры занятое полубожественными персонажами, начали понемногу проникать обрывки разговоров, происходивших в разных концах вагона.

— У меня нет ни малейшего желания ссориться, Хильда, — вполголоса говорила одна из англичанок. — Разумеется, ты старалась подготовить

---

¹ *Барберини* — княжеский род, известный с XIII в., одним из представителей которого был, в частности, папа Урбан VIII. Дворец Барберини является самым большим после Ватикана римским дворцом, построенным при Урбане VIII.

поездку как можно лучше. Я всего лишь сказала, что служанка не желала каждое утро мыть раковину умывальника. Приходилось звонить и звонить, чтобы она пришла.

А со стороны американских итальянцев слышалось:

— А я говорить, что это не твоего чертова ума дела. Вот что я говорить. И убери отсюда к черту твою чертову рубашку. Сказал тебе, он удрал; он удрал так быстро, что от него даже пыли не видно, вот как он удрал.

Иезуит с учениками проявили вежливый интерес к почтовым маркам, и японский атташе негромко рассказывал им:

— О, это чрезвычайная редкость! Цена — четыре цента — напечатана бледно-лиловой краской, а на просвет видны водяные знаки, изображающие морского конька. В мире существует только семь экземпляров, и три из них в коллекции барона Ротшильда.

Вслушиваясь в звучание всего оркестра сразу, можно было узнать, что сахара в него не клали, что она три утра подряд повторяла Мариэтте, чтобы та либо клала в него сахар, либо ставила сахарницу на стол, но, хотя республика Гватемала немедленно прекратила их выпуск, все же несколько штук уплыло к коллекционерам, и это при том, что на углу Бродвея и Сто двадцать шестой улицы каждый год продают такую кучу канталуп, какой человек и вообразить не способен. Быть может,

именно неприязнь, питаемая мной к подобным пустым разговорам, и стала первым толчком, побудившим меня заняться этими олимпийцами, каждый из которых, как бы им ни было скучно и каким бы заблуждениям они ни предавались, по крайней мере обладал «неким замечательным даром».

Вот в таком, стало быть, обществе в томительном первом часу ночи я и появился впервые в Риме, на вокзале, отличающемся от прочих большей своей уродливостью, редким обилием реклам целебных источников и резким запахом аммиака. Пока длилось мое путешествие, я думал о том, что сделаю, как только оно закончится: накачаюсь вином и кофе и роскошной полночью полечу по Виа Кавур. При первых проблесках зари я осмотрю трибуну Санта-Мария-Маджоре, которая будет нависать надо мной подобно ковчегу на вершине горы Арарат, и призрак Палестрины в испачканной сутане выскочит из боковой двери и торопливо устремится домой, к большой пятиголосой семье; а я поспешу к маленькой площади перед Латеранским дворцом, туда, где Данте смешался с празднующей начало нового века толпой; помедлю на Форуме, обогну запертый по ночной поре Палатин; пройду вдоль реки до харчевни, в которой Монтень жаловался на свои болезни; и с трепетным взором паду ниц перед схожей с утесом обителью папы, в которой трудились величайшие из художников Рима — тот, что не знал никаких

несчастий, и тот, что не знал ничего иного¹. С пути я не собьюсь, поскольку разум мой зиждется, как на фундаменте, на карте города, восемь последних лет ученичества провисевшей у меня над столом, города столь желанного, что в глубине души я, казалось, так и не поверил по-настоящему, будто когда-нибудь увижу его.

Но когда я наконец приехал в этот город, вокзал оказался пустынен, и не было здесь ни вина, ни кофе, ни призраков, ни луны. Только проезд по темным улицам под звуки фонтанов и особое, ни с чем не сравнимое эхо травертиновых тротуаров.

Всю первую неделю Блэр помогал мне искать, а затем обживать квартиру. Она состояла из пяти комнат в старом дворце, стоящем на правом берегу реки, в двух шагах от базилики Санта-Мария-ин-Трастевере. Комнаты были высоки, сыры и отдавали дурным восемнадцатым веком. Потолок гостиной покрывали незатейливые кессоны, на потолках вестибюля уцелели фрагменты растрескавшейся лепнины, все еще слабо окрашенные в выцветшие голубые, розовые и золотые тона; каждое утро метла смахивала новый кусочек локона какого-нибудь купидона или осыпающихся венков и свитков. В кухне имелась фреска, изображающая борение Иакова с ангелом, но ее закрывала

---

¹ Имеются в виду Рафаэль и Микеланджело.

плита. Два дня мы провели, выбирая столы и стулья, нагружая ими тележки, которые лично провозжали до нашей убогой улочки, торгуясь перед дюжинами лавчонок в попытках сбить цену на рулон синеваато-серой парчи и зная наперед, что ее покрывают разнообразные пятна, размахрившиеся нити и мятые складки, выбирая из множества бойких имитаций старинных канделябров те, которым удалось с наибольшим успехом подделаться под чистоту линий и общий аромат старины.

Триумфом Блэра стало приобретение Оттимы. Неподалеку от моего дома располагалась угловая трагтория — принадлежащее трем сестрам заведение, в котором можно было, попивая вино, часами вести досужие разговоры. Некоторое время Блэр присматривался к сестрам, а затем предложил одной из них, расторопной, немолодой и смешливой, перебраться ко мне в качестве кухарки — «на несколько недель». Итальянцы опасаются связывать себя на долгий срок, так что последняя оговорка и склонила Оттиму принять предложение. Мы предоставили ей выбрать по своему усмотрению какого угодно мужчину в помощники для выполнения тяжелой работы, однако она надулась и заявила, что отлично справится и с тяжелой работой тоже. Возможно, переезд в мою квартиру оказался для Оттимы ниспосланным свыше разрешением каких-то ее личных проблем, ибо она всей душой отдалась и работе, и своим кухонным компаньонам — немецкой овчарке по имени Курт

и кошке Мессалине. Мы зажили дружной семьей, отзываясь на оплошности друг друга одним лишь веселым подмигиванием.

Итак, на другой день после приезда мы отправились к последнему из диктаторов Рима и увидели мальчишеского облика старую деву с интересным болезненным лицом и порывистыми, как у птицы, движениями, то и дело переходящую от добродушия к раздражительности и обратно. Было без малого шесть часов, когда мы вошли в ее гостиную во дворце Барберини, застав там четверку дам и одного господина, несколько скованно сидящих вокруг стола и беседующих по-французски. Мадам Агоропулос радостно вскрикнула, увидев Блэра, рассеянного ученого, к которому она столь привязалась; на возглас ее слабым эхом отозвалась мисс Грие. Тощая миссис Рой застыла в ожидании, когда в разговоре мелькнут какие-либо сведения о наших родственных связях, после чего ей можно будет расслабиться и улыбнуться. Испанский посол и его жена поинтересовались, как это в Америке обходятся без системы титулов, позволяющей человеку безошибочно распознавать людей своего круга, а маркиза, слегка вздрогнувшая при вторжении двух неотесанных молодых краснокожих, принялась составлять в уме полную ошибок французскую фразу, которая могла бы извинить ее внезапный уход. На какое-то время разговор стал беспорядочным и судорожным, не утратив, однако, сухого очарования, при-

сущего всем разговорам, ведомым на языке, не являющемся родным ни для кого из собеседников.

Внезапно я осознал, что в комнате царит напряжение. Я ощутил неявное присутствие интриги, не сумев, впрочем, составить хотя бы отдаленное представление о ее целях. Мисс Грие притворялась, будто увлечена легкой беседой, оставаясь в действительности более чем серьезной, а миссис Рой мысленно делала заметки. Весь эпизод разрешился типично римским, хотя и не отличающимся чрезмерной усложненностью образчиком светской сделки с характерными последствиями религиозного, политического и бытового толка. Пользуясь сведениями, полученными мной много позже, я хочу привлечь ваше внимание к тому, чего миссис Рой желала добиться от мисс Грие и что мисс Грие требовала в обмен на свои услуги.

Глаза у миссис Рой были узкие, а рот такой, словно она сию минуту отведала хинина; когда она вступала в беседу, длинные серьги ее принимались с дребезжанием биться о худые ключицы. Веры она придерживалась католической, а в политических делах могла дать фору любому клерикалу. Время своего пребывания в Риме она посвятила решению одной задачи — привлечь внимание папы к нуждам некоторых американских благотворительных организаций. Злые языки болтали, что за ее благими трудами стоят личные мотивы, наименее порочащим из которых была надежда

получить титул графини папского доминиона. На самом деле миссис Рой добивалась аудиенции в Ватикане, надеясь склонить его святейшество, чтобы он сотворил чудо, а именно, применив правило, установленное еще апостолом Павлом, даровал ей развод. Исполнение ее желания, отнюдь не беспрецедентного, зависело от многих условий. Прежде чем решиться на такой шаг, Ватикану надлежало с доскональностью выяснить, насколько велико будет удивление в католических кругах, затем конфиденциальным образом запросить у американских кардиналов сведения о характере почтенной матроны и, наконец, проконсультироваться у верующих Рима и Балтимора, да так, чтобы те ничего не заметили. Проделав все это, неплохо было бы оценить степень одобрения или циничного презрения, каковое подобная мера возбудит в протестантах. Репутацией миссис Рой обладала безупречной, а право ее на развод не вызывало ни малейших сомнений (муж был кругом виноват перед нею: он изменял ей, он изменил ее вере, и, наконец, он обратился для нее в *animaе periculum*¹, то есть попытался втянуть ее в неуместный спор по поводу разжижения крови святого Януария²), и тем не менее получить

¹ Опасность для души (*лат.*).

² *Святой Януарий* — покровитель Неаполя. Голова и два сосуда с его кровью хранятся в кафедральном соборе Неаполя. Считается, что несколько раз в году эта свернувшаяся кровь снова становится жидкой.

Уайлдер Т.

У 13 Мост короля Людовика Святого / Торнтон Уайлдер ; пер. с англ. С. Ильина, В. Гольшева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 352 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-26752-7

Торнтон Уайлдер — американский прозаик, переводчик, драматург и эссеист, трижды лауреат Пулицеровской премии, четырнадцать раз выдвигался на Нобелевскую премию по литературе. Дебютный роман «Каббала» (1926) раскрыл Уайлдера как талантливого рассказчика, а наибольшую известность ему принес «Мост короля Людовика Святого» (1927), вошедший в сотню лучших англоязычных романов XX века.

В настоящее издание вошли первые и наиболее знаковые произведения Торнтон Уайлдера, определившие главные темы его творчества. Если «Каббала» завораживает мистицизмом, тонко переплетающимся с философской притчей, то «Мост короля Людовика Святого» предлагает проникнуть в тайный смысл сущего, отыскать причинно-следственные связи и закономерности в человеческом бытии.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ТОРНТОН УАЙЛДЕР
МОСТ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА СВЯТОГО

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Людмила Дубовая, Нина Писковитина

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 09.09.2024.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 18,48. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-AUM-35750-01-R